

Андрей Высокосов

Труды и трудодни

Андрей Алексеевич Высокосов, родился в 1966 году в Москве, окончил Литературный институт. Три книги стихов: «Нам песня стоит ли жить помогает». М.: Стеклограф, 2019; «Автопортрет с распостёртыми объятиями. Девяносто одно стихотворение в стихах». М.: Стеклограф, 2019; «Я пришёл дать вам волю слезам». М.: Стеклограф, 2022.

* * *

перекуём паяльник на утюг
погладим утюгом пододеяльник
как чук и гек точнее гек и чук
нет всё-таки как чук и гек начальник

ходили в лес гулять на интерес
нашли в лесу серебристую старуху
сказали ба ты слышишь позарез
стемнело всё а ты справляешь днюху

бог отвечал скажи мой добрый чук
где брат твой гек который вместе с нами
гулял в моём лесу ковал утюг
бездонными моими молотками?

мне атмосферы плотные слои
напомнили туннель в чужое детство
и только руки были там мои
худые как кадык краснодеревца

чук отвечал старуха дверь закрой
не сторож я который сутки трое
родился всё как николай второй
железной вилкой кушает второе

* * *

пятница но я не бачу
это космось или близь
кто уехали на дачу
или просто напились

воспитательной зелёнкой
мне помазано на лоб
бог посмотрит на ребёнка
в белый свой фонендоскоп

мне обожение было
тело ныло от души
взрослый врач меня душила
в недоношенной тиши

в белоснежном сельсовете
скажет сказку навсегда
засмеётся на рассвете
сами знаете куда

* * *

встаёт луна над городом слепых
они на запах чувствуют её
куранты бьют двенадцать раз под дых
картавое от синьки бытиё

двенадцать лет минуло с той поры
с какой не помню а теперь весна
висят на ветках крупные сыры
теперь воронам певчим не до сна

я тоже стал немножечко певец
напротив почты шкірний диспансер
любой столяр иосиф и кузнец
большого счастья даже пионер

я был когда-то пионер-герой
но умер в прошлой жизни навсегда
портрет мой кое-где у нас порой
ещё висит я там как фарада

красив и молод мужественный взгляд
и полон весь вооруженных сил
такой отборной бодрости заряд
что как-то раз мне сталин позвонил

мы говорили о житье бытё
о смерти и тогда он мне сказал
ильич картав был как мирей матё
всё потому что очень много знал

но никому гостайну не открыл
и жил маланец зная всё вперёд
а перед смертью молвил дыр бул щыл
а что это никто не разберёт

* * *

просто я здесь в долгой экспедиции
я стихи пишу в железный стол
их читают в транспортной милиции
и заносят в протокол

с головой круглее круглого
из художественного фильма брат
со своими школьными подругами
пролетает смерть как земснаряд

в то же время я люблю насмарку
что-то помнить или как шопен
для отвода глаз смотреть на сварку
в городе герое мосрентген

* * *

для трёх бешеных собак
на которых стоит мир
по семь вёрст не крюк в пятак
бог терпел и нам в сортир
бог он тоже не на хлеб
мажет кровь а нас текло
много в землю видел неб
богослов гюстав жеглов
дикий мёд полёт акрид
лот женат на трёх столбах
на которых мир стоит
сбоку бог в семи верстах
начинается с ребра
плачет рыба с головы
от забора до добра
ходят по цепи волхвы

к носу тридевять марток
надевай сто портупей
мёрзни волчий кипяток
из копытца кровь не пей
мёд уж льёт не сорок лет
сорок первый год пошёл
в этот год свой партбилет
положил господь на стол
спрашивается а ты
локти клал куда-нибудь?
как волхвы от доброты
до забора шли чуть-чуть
уронили в речку кость
для трёх бешеных собак
исходили вкривь и вкось
весь в черёмушках овраг

* * *

я построил хрущёвку одним топором
и живу в ней а вместе со мной
за стеной проживает живой управдом
и красивая смерть за спиной

я живу на отшибе огромной страны
иногда из него говоря
до чего хорошо когда все мы равны
то есть реки поля и моря

и тогда я моля и поря эту чушь
говоря из неё навсегда
говоря до чего хороша эта глушь
то есть небо земля и вода

заиграли подъём так займёмся спаньём
и приснится житьём покати
как белея исподним своим забытьём
мы в рубашке родились почти

мы в рубашке родились почти из пупка
то есть лет на четыреста пять
я построил хрущёвку одним на века
а другим никогда не понять

я застойный ребёнок я врать не люблю
и огромной фигни на краю
сквозь поля и моря я порю и молю
несмешную молитву мою

2013

* * *

хорошо быть разносчиком пиццы
плохо быть перевозчиком душ
эти души как нежные фрицы
чуть за тридцать желают под душ

вышло так что мытищи и проще
выше чем с головы и до пят

хорошо тебе пиццы разносчик
бледен ты как теперь говорят

это я тут стою раскраснелся
я как все старики желторот
в этих синих очках чаушесках
сквозь которые враг не пройдёт

* * *

строительными лесами
господь гуляет часами
он с грустными очесами
он розовый под трусами

его не рожали в муке
его не пинали внуки
его золотые руки
завещаны в фонд науки

когда он умрёт от бога
как маленький поп-расстрога
смотри ничего не трогай
смотри ничего дорога

в дороге не кормят манной
в ней пушкин объелся в ванной
как кошка с огромной раной
моршкой и валерьяной

* * *

на последний щелбан накоплю огурцов
малосольных как дым вот такие дела
чтобы было чем мне закусить удила
удила закусить было нечем резцов

не осталось одни коренные стучат
пристяжные то к дёснам то к каше во рту
из которого вылетит птичка к утру
только ей улыбнись три вокзала подряд

потому что три раза кукует скворец
прежде чем отречёшься на первый второй
и предашь этот прах уберёшь за собой
то что было тобой а теперь твой близнец

удаляющийся от тебя и себя
как везущая хворосту воз саранча
иногда шестипалый как два скрипача
иногда шестикрылый как два воробья

* * *

есть такая речка	как на той скамеечке
родину любить	голову сломя
там на дне скамеечка	мальчик кушал семечки
что там говорить	и плевал плевмя

ходят вдоль скамеечки	все его плевочки
восьмеро муравьёв	слизывал господь
рыжих до копеечки	до последней строчки
мелких будь здоров	вот до этой вплоть

* * *

в безмянной москве я убит под авиамоторной
и брежнев заплакал как был в сюртуке бумазейном
гляжу поднимается медленно в гору подгорный
над летой рекой над её водосборным бассейном

над летой рекой над её заливными лугами
большими шагами а значит без признаков жизни
летят перелётные птицы и машут руками
летят перелётные птицы об этом скажи мне

летят перелётные птицы об этом сказал мне
и машут они чем попало ты должен понять их
ты смотришь в глаза мне такими смешными глазами
как будто ты смерти не видел на школьных занятиях

как будто я смерти не видел на школьных равнинах
мы вышли из гоголевской ранним утром цусимы

как избранных господи много как мало ревнивых
я видел однажды я из лесу вышел был сильный

* * *

аппарат от храпа автомат калашникова
вроде не гестапо а жизнь такая страшенькая
в северный завоз к нам сюда завозится
достают до звёзд рабочий и колхозница
стёкла из стекла кровь и брамс из вены
кровью истекла спящая царевна
чтобы постарев не взывать из мрака
авраам аншеф плюнул в исаака
осень листья жгут в жилдабылстройтресте
всё случится тут в этом самом месте
где ползёт река медленно и добро
и горит щека битая по рёбрам
что-то нихт арбайт музыканты в бремене
нет на зайн унд цайт бытия и времени
кончилось прошло прыгнуло с балкона
тихо утекло дядей спиридоном
тили-тили-дел прокричал будильник
и похолодел белый холодильник
страшно уходить в свято место пусто
долго приводить окулиста в чувство
не было беды да случилось счастье
всё теперь в его разнесчастной власти
веровать в богов и в тебя мой боже
это не одно не одно и то же
мужем и женой в громкоговоритель
любит за стеной радиолюбитель
объявил подчас кровь и брамс из мяса
досыта угас выгнали из класса